

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Мурзановой Ляйсан Азатовны на тему: «Концепт неоконсерватизма в социальной философии», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия

Диссертационное исследование Мурзановой Ляйсан Азатовны посвящено актуальной в современном российском политическом дискурсе теме специфики русской и западной консервативной философской традиции. Это связано как с массовым запросом на консерватизм, так и с запросом господствующих элитных группировок на сохранение «status quo». Представляется, что разработка в рамках диссертационного исследования генезиса, динамики и внутренней логики развития консерватизма на российской почве обладает очевидной новизной и значимостью, ибо новый ренессанс возврата к традиционным национальным религиозным и нравственным ценностям уже рассматривается как «консервативная революция» или «неоконсервативная контрреволюция».

Широкой общественной поддержкой пользуется концепция «особого пути» России, а идеологические и политические споры редуцированы до поиска ответов на два вопроса – «Можно ли Россию в принципе сравнивать с Западом» и «В чем отличие и превосходство российских традиций и ценностей над западными?»

По иронии истории многие русские мыслители, которых принято относить к консервативным, считали сам термин не подходящими русской политической действительности. Так, И.С.Аксаков прямо призывал: «чтоб эта рутиня, чтоб эти пошлые понятия – охранительные начала, консерватизм и прогресс, в том смысле, как они употребляются у нас в России, были изгнаны из нашей литературы как решительно ничего не выражающие и только сбивающие с толку» (Аксаков К. С., Аксаков И. С.М. : РОССПЭН, 2010, с. 404).

При разработке проблематики Мурзанова Л. А. сделала акцент на артикуляции идейных оснований консерватизма, причем не столько в политико-прагматическом смысле, сколько в смысле ценностных установок, определяющих весь комплекс (хозяйственно-бытовой, социальной, теоретико-познавательной, экономической) деятельности человека и общества. Именно такой подход и определил несомненную новизну как самой постановки в диссертации исследовательских вопросов и выбора теоретической перспективы.

Безусловно, найти свою оригинальную концептуальную призму при рассмотрении проблематики консерватизма в российском и западном социально-философском дискурсе – задача сколь амбициозная, столь и тяжело реализуемая. поскольку эта тема является хорошо разработанной в западной и отечественной литературе.

Мурзановой Л.А. в целом удалось не выглядеть тривиально и посмотреть на проблему по-новому. Хочу подчеркнуть, что предложенный диссертантом взгляд является весьма дискуссионным и иногда не совпадает с точкой зрения рецензента. Сравнение ее версии с предлагаемыми в литературе подходами показывает фокусировку исследовательской оптики на следующих моментах, содержащих элементы научной новизны.

1.Продемонстрировано принципиальное теоретико-мировоззренческое родство классических консерватизма и либерализма, как идейных течений новоевропейской духовности, утверждающих примат чистой рациональности. Для либерализма, культивирующего индивидуализм и свободомыслие, рационалистическая направленность очевидна. Классический же консерватизм формально признает сверхрациональные принципы организации миропорядка, находящие свое выражение в традиционных формах жизненного уклада: хозяйственно-бытовых, познавательных, поведенческих. Именно поэтому Э. Берк, Ж. де Местр так много внимания уделяют житейскому обычаю, церковной обрядовости и даже догматике и мистицизму (Местр), не доверяя добродетелям эмансипировавшегося, самоутверждающегося гражданина. Тем не менее, по мысли соискателя, основоположники консерватизма следовали тому же методологическому принципу, что и их идейные и политические оппоненты – аксиоматической самодостоверности человеческого сознания.

2.Предпринята попытка доказать, что не только пиетет Берка в отношении традиционности английской старины, но и благоговение де Местра перед мистическими фигурами Папы и Палача имеют символично-рациональное истолковываемое, прагматически оправдываемое содержание. Другими словами, разница между «либералами» и «консерваторами» носит только технический характер. Первые настаивают на безусловности индивидуального сознания, вторые – на приоритете коллективной мысли. Но в обоих случаях речь идет о том, что человеческое разумение является единственным и безусловным мироустраивающим началом: всякое сущее лишь в той степени существенно, в какой она согласовывается с умом человека.

Именно это духовно-интеллектуальное родство и позволило к середине XX века предельно сблизиться двум идеологиям в формате сугубо политико-прагматических

неолиберализма и неоконсерватизма. Последовательно нивелировав содержательные различия, они, по сути, создали единое духовное пространство «глобальной цивилизации».

3. В академической среде принято считать, что интеллектуальное направление радикальных критиков «проекта Просвещения» (традиционалистов – последователей Р. Генона) выражает верность самым настоящим принципам консерватизма. Л.А. Мурзанова же усматривает, что у традиционалистов XX века преобладает пассивно-созерцательное отношение к действительности, что существенно понижает их цивилизационную значимость. Добровольное самоустранение из поля реального противостояния деградиционным процессам – свидетельство концептуальной незрелости. Кроме того, западноевропейскому традиционализму присуща та же спекулятивная академичность, что и всему теоретическому знанию модерна и постмодерна. Его интересует преимущественно историко-генетический аспект проблемы, а не возможности и формы продуктивной альтернативы прогрессистской модели развития общества.

4. Неординарность авторского подхода заключается и в предложенной трактовке «неоконсерватизма» как идейно-теоретической доктрины, организующей социально-политические силы, ориентируемые в своей деятельности аксиоматической установкой на то, что мир как форма человеческого устройства бытия обладает некими константными основаниями, которые определяют духовный порядок жизни людей, и потому не могут не приниматься в расчет при осуществлении их деятельности.

5. Предпринята попытка, требующая, на мой взгляд, гораздо более четкого обоснования, продемонстрировать, что в интеллектуальном пространстве России консервативная идея получила более последовательное, хотя теоретически и незавершенное развитие. В диссертации сделан оправданный акцент на условном выделении двух исторических этапов становления консервативной доктрины: славянофильского и евразийского.

Славянофильство, в особенности в лице А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, в качестве константного основания русской цивилизации усматривало живую христианскую веру. Эта вера реализуется в нравственном и хозяйственно-бытовом единстве русского народа, в сознании которого религиозная традиция была выражением не утилитарной целесообразности (Э. Берк) и не рационально-мистического прагматизма (де Местр), а своего рода нравственно-космического императива, диктуемого не просто божественной волей, а «землей русской» как пространством, где эта воля только и может быть исполнена. «Мать-сыра-Земля», «Святая Русь», «Москва – третий Рим», по мнению

диссертанта, являются символическими образами становления национального самосознания России. Отсюда – особое «крестьянское» отношения к природе, прослеживаемое на огромной территории от Прикарпатья до Приамурья. Это обстоятельство было подмечено и теоретически проработано в учении евразийцев (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Р.О. Якобсон).

Л.А.Мурзанова полагает, что именно их позиция, научно истолковывающая целостное единство цивилизационных практик в евразийском пространстве, может быть положена в качестве основания неоконсервативной доктрины. По мнению диссертанта, ее практический императив – следование «Номосу Земли» (вплоть до селекционных открытий природы), а не переформатирование естества (вплоть до генетической модификации). Несмотря на определенное изящество выстроенной логики данного утверждения, ему явно недостает четкой аргументации и тщательного историко-философского анализа, без которого выдвигаемое положение представляется излишне радикальной попыткой авторской реконструкции всей истории исследований консерватизма. Кроме того, известно, что евразийство и неоевразийство –одни из самых жестко критикуемых философских и политических концепций. Однако этот критический анализ, если и упоминается диссертантом, то мельком.

Теперь о частных возражениях и замечаниях.

1.Диссертант неоднократно говорит о «стремлении к возрождению традиционных ценностей». Неизбежно возникает вопрос – а что понимается под ценностями вообще и под традиционными российскими ценностями в частности? Это, например, ценности допетровской или петровской Руси? Какова их социальная база в индивидуализированной и во многом вестернизированной современной России?

2. На стр.5 диссертант утверждает, что сегодня:

- а) консерватизм претендует на статус государственной идеологии;
- б) на основе представлений евразийцев формируется проект цивилизационного развития России;
- в) «современная Россия нуждается не просто в идеологии, но в идее, определяющей смысл существования общества, *идее-правительнице*, интегрирующей различные социальные слои в единое общество;

г)необходимо формулирование *государственной стратегии* на основе самобытных оснований и традиционных ценностей.

Более того, на стр.13 автор амбициозно утверждает: «Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные характеристики консерватизма могут способствовать *формулированию единой идеологии*».

Каждый из этих публицистических тезисов требует ответов, причем академических, на ряд вопросов. Например, что такое государственная идеология? Принадлежащая государству? Осуществляемая государством и находящаяся в его ведении? Устанавливаемая государством? Кто и где создаст некий канонический текст и как он будет увязан с моралью и ценностями нынешней российской элиты? И, наконец, каковы черты и характеристики *«единой идеологии»*?

3. Сама проблематика диссертации требует детального рассмотрения эволюции понятия «консерватизм» в русской философской и политической мысли. Однако, в тексте не представлены, в частности, точки зрения Ю.Ф. Самарина, полагавшего, что «политика России должна быть не консервативная и не революционная», Д.И. Писарева, заявляющего что «умственная посредственность всегда отличается пассивным консерватизмом», А.И.Герцена, утверждавшего, что «консерватизм, не имеющий иной цели, кроме сохранения устаревшего status quo, так же разрушителен, как и революция. Он уничтожает старый порядок не жарким огнем гнева, а на медленном огне маразма» и «мы не можем быть консерваторами, ибо нам нечего хранить», Н.А. Бердяева, считавшего, что «полное отсутствие настоящего консерватизма – фатальная особенность России».

Вне поля зрения диссертанта остались концепции ходячего консерватизма, «который стремится заменить живые плоды духа искусственными консервами», Вл. Соловьева. Отсутствуют в диссертации и ссылки на работы М.Н. Каткова, которому принадлежит методологически важное замечание: «Вы то и дело слышите о либералах и консерваторах, о либеральных партиях и партиях консервативных, и люди, употребляющие эти слова, большей частью не сопровождают их никакой мыслью и сами не знают, что говорят. Если речь идет о государстве, которого мы граждане, о народе, которого мы дети, о деле, которому мы служим, об общем интересе, которому мы призваны способствовать, то вопрос отнюдь не в том, либералы мы или консерваторы; весь вопрос в том, хорошо ли мы служим, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мера делу нашего служения, а не в том, либерального ли она пошиба или консервативного» (Катков М. Н. Избранные труды .М. : РОССПЭН, 2010,с.327).

4. Проблемы диссертанта в обращении со ссылочным аппаратом проявляются и в части, посвященной различным подходам к концептуализации феномена консерватизма

(стр.21). Автор просто перечисляет фамилии ученых без соответствующих ссылок. Более того, некоторых из указанных исследователей нет даже в списке литературы.

Свободное и легкое обращение с теоретическими, а иногда и мировоззренческими позициями упоминаемых автором ученых – еще одна характерная черта рассматриваемой диссертации. Так, например, на стр.19. утверждается, что «впервые термин “консервативная революция” был обозначен в трудах славянофила Ю. Самарина» (ссылки нет, работы Ю.Самарина в библиографии отсутствуют). На самом деле, работа Самарина, изданная в 1875 году, называлась «Революционный консерватизм», а о «консервативной революции» говорил применительно к краковскому восстанию 1846 года Ф.Энгельс в 1848 году.

Еще один пример. В задачу настоящего отзыва не входит анатомирование неоевразийства и его базовых элементов. Я полагаю, что познания в этой области диссертанта гораздо шире и глубже моего представления о данных теориях как спекулятивных и эксцентрических конструкциях. Дело не в этом, а в следующем странном курьезе. На стр. 7 автор утверждает: «Наиболее видные представители современного неоевразийства – А.С. Панарин, А.Г. Дугин, С.Г. Кара-Мурза, Р.Р. Вахитов, А.М. Соколов, И.Д. Осипов, Н.В. Кузнецов». Первые 4 фамилии, даже А.Г. Дугин, отсутствуют в списке литературы, а основания отнесения автором к «видным современным неоевразийцам» моих коллег по Институту философии остались загадкой.

И, наконец, мое любимое место в тексте: «Извечным оппонентом Э. Берка был Ричард Пайпс (1923-2018-А.А.), в полемике с которым и родился знаменитый трактат «Размышления о революции во Франции» (написан в 1790 г.-А.А.) (стр.67).

5. В параграфе 1.3. «Исторические предпосылки и условия возникновения консерватизма: от утопий к социальным теориям» Мурзанова Л.А. обращается к феномену утопии, акцентируя внимание на его двойственном характере – «просто мечта человечества о лучшей и справедливой жизни или реальная цель, к которой мы стремимся на протяжении всего исторического существования?»(стр.45).

Но в диссертации не уделяется никакого внимания теоретическим проблемам социологии утопии, осмыслению ее природы и социальных функций, противоположным формам (антиутопия, энтопия, контратопия, дистопия и т.д.). Кроме того, я считаю, что выдвигаемый диссертантом тезис, согласно которому «консерватизм принципиально антиутопичен, поскольку укоренен в настоящем, в действительности «здесь- и сейчас-» бытия. Консерватизм противостоит утопическому миропониманию, поскольку выводит идею исторического процесса из самой действительности, из наличного мира» (стр.59),

представляется излишне категоричным, а в тексте он не обоснован. В литературе существует большой корпус исследований консервативной (реакционной) утопии, в котором красной нитью проходит тезис о том, что всякая утопия консервативна. Автор игнорирует социальную утопию М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую..» (1784 г.), в которой сформулирован ряд ключевых для русского консерватизма тем.

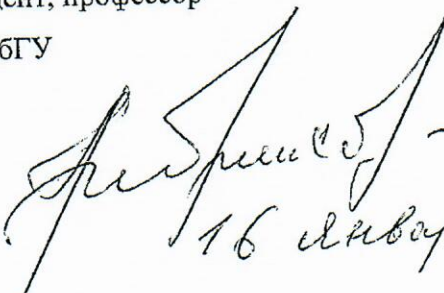
Указанные недостатки данного диссертационного исследования ни в коей мере не преуменьшают его очевидных достоинств и не влияют на общую положительную оценку работы. Данные замечания можно рассматривать как продолжение дискуссии, поднятой автором. Рецензируемая диссертация является самостоятельным и оригинальным исследованием, в котором Л.А.Мурзанова продемонстрировала все необходимые навыки зрелого исследователя и представила новый ракурс рассмотрения феномена русского неоконсерватизма.

В целом выводы, к которым приходит диссертант, представляются вполне обоснованными и убедительными. Исследование выполнено на профессиональном уровне, а его результаты имеют как научный, так и общественный интерес.

Диссертация Мурзановой Ляйсан Азатовны на тему: «Концепт неоконсерватизма в социальной философии» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Мурзанова Ляйсан Азатовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета –
Доктор философских наук, доцент, профессор
Кафедры конфликтологии СПбГУ
a.alejnikov@spbu.ru

 – Алейников А.В.
16 января 2019г.